

Валя Саар

**ОТГОЛОСОК
УТРАЧЕННОЙ ЖИЗНИ**

12+

Валя Саар

Отголосок утраченной жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67240485

SelfPub; 2022

Аннотация

Шестнадцатилетняя Лиза живёт и учится в интернате.

Способно ли одно объявление, которое она не давала, заполнить пустоту в душе?

Валя Саар

Отголосок утраченной жизни

«Здравствуйте, я по объявлению».

Лиза задержала взгляд на окне оповещения о новом сообщении на WhatsApp, удивлённо приподняв одну бровь:

– Ошиблись, наверное...

Не придав этому значения, она вернулась к утреннему сёрфингу в соцсетях.

Яркие картинки красивой жизни мелькали на экране. Девочка листала ленту на автопилоте, ни на чём не задерживаясь. Ей не было дела до того, кто чем завтракает, какие строят планы, как оторвался в ночь с пятницы на субботу. Чужие лица, чужие жизни.

Её палец вдруг остановился на видео с милым котиком, который, жмурясь от солнца, нежится на меховом покрывале пузом кверху. Что-то в этом было такое тёплое, домашнее, родное... И давно забытое. Ей захотелось оказаться на месте беззаботного пушистого комочка, который мурлыканьем каждое утро будит семью, где его любят, о нём заботятся и потакают прихотям, где основная цель вместо выжить – жить в удовольствие.

Глаза Лизы вмиг стали стеклянными. Она подняла взгляд

к серому потолку и часто заморгала, едва сдерживаясь, чтобы не разреветься. Она отложила телефон с затянутым паутиной экраном, немного успокоившись, встала со скрипучей кровати, занырнула в старенькие сланцы, которые были ей откровенно малы, тихонько прокралась мимо спящих соседей и выскользнула в коридор.

В такую рань интернат напоминал декорации фильма ужасов. Обшарпанные стены, расписанные маркером, тут и там искалеченные игрушки, разбросанные по бетонному полу, и ни одной живой души. Только Лиза и гулкий звук шлёпающих шагов. Девочку не пугали мысли о зомби, которые вполне могли притаиться в конце длинного коридора – за углом у входа в туалет и душевую. Всё самое страшное, что можно было представить, с ней уже произошло. Причём это случилось не в кино или жутком сне – в реальной жизни.

Мамы не стало так внезапно. Хотя разве можно подготовиться к встрече со смертью?

Лиза предстала один на один перед миром и системой. Органы опеки не разрешили четырнадцатилетней девочке остаться дома, как бы она ни умоляла. А забрать её было некому. В графе «отец» в свидетельстве о рождении стоял жирный прочерк. Других родственников, которым было бы дело до обездоленного подростка, не нашлось. И девочку отправили в интернат. С тех пор прошло два долгих года, и ещё столько же маячило впереди до момента, когда ей, наконец, позволят взять ответственность за свою жизнь, и тогда она

станет свободной.

Вернувшись в комнату, Лиза коротко поприветствовала проснувшихся близняшек и снова взялась за телефон – одно из немногих мест, куда она могла убежать от давящих стен и людей, от чёрной воронки внутри, которая образовалась в день, когда закончилось её детство.

В верхней части экрана снова появилось всплывающее окно.

«Вы дачу ещё не продали?»

– Что за чёрт? – выругалась девочка.

Отмахнувшись от вопросительных взглядов близняшек, Лиза открыла чат с неизвестным номером в WhatsApp, и, быстро стуча по электронной клавиатуре, набрала сообщение.

«Здравствуйте, я ничего не продаю. Вы ошиблись».

«Жаль. Простите...» – прилетело в ответ.

Лиза вспомнила о покосившейся бабушкиной даче, о саде с медовыми яблоками, о розовой лейке с нарисованным котом, которой она поливала вверенную ей клумбу.

Бабушка ушла, когда Лиза только-только готовилась отправиться в первый класс. С тех пор на даче никто не бывал. Мама тяжело переживала утрату, да так и не нашла в себе сил навестить домик, где всё было пропитано воспоминаниями. А потом было уже поздно.

«Но ведь сама дача-то есть? Продать я её, конечно, не смогу. И странно всё это. Ума не приложу, кто подал объявление».

ние и зачем? – думала девочка. – А вот сдать в аренду – это вариант: какие-никакие, а деньги!» – осенило её.

Лиза щёлкнула по аватарке покупателя. С фотографии на неё смотрела женщина в годах с добрыми, грустными глазами.

Немного поколебавшись, взвешивая, уместным ли будет предложение, девочка написала:

«Может, вы захотите снять дачу?»

«Может, и захочу».

Лиза вытаращила глаза, увидев в конце сообщения смайлик с высунутым языком.

«Какая продвинутая старушка», – хмыкнула она и попросила прислать ссылку на объявление, чтобы проверить, вдруг там вообще не бабушкина дача на фотографиях.

Но вся информация предложения о продаже оказалась верной. Домик с резными ставнями, выкрашенный в голубой цвет, располагался на станции Рябиново и выглядел точь-в-точь как в смутных воспоминаниях Лизы, с одной разницей: от времени и невнимания краска облупилась и топорщилась, будто ёжик. В контактах продавца действительно значился её номер телефона и полное имя – Елизавета.

Расследование, кто выставил объявление от её лица, Лиза решила отложить и продолжила переговоры.

Она чётко помнила, где хранился ключ от домика. По приезде на дачу лазить в тайник было её святой обязанностью. Лиза вскарабкивалась на табурет, который для этих целей

дождался на незапертой веранде, и торжественно выуживала ключ с выступа над дверью.

«Десять тысяч в месяц и дом ваш. Деньги вперёд», – напечатала Лиза.

В ней была предпринимательская жилка. В пять лет она уже торговала с бабушкой на стихийном рынке, звонко зазывая прохожих отведать медовых яблок, таких сладких, каких они в жизни не пробовали. Позже, в школе, когда одноклассницы стали интересоваться макияжем, за счёт сэкономленных карманных денег на оптовой базе она накупила косметики и продала подружкам с хорошей прибылью.

Вынырнув из воспоминания, она заметила, что сообщение адресатом прочитано, но ответа не последовало.

«Может слишком высокая цена для пенсионерки? – недоумевала Лиза. – С другой стороны, ведь она хотела купить дачу...»

Девочка гипнотизировала экран телефона до тех пор, пока не увидела заветное: «Печатает...»

«Добро. Завтра можем съездить, посмотреть?»

«Дóбро, так и моя бабушка говорила». – Лиза почувствовала горячую вспышку в груди.

«Давайте, завтра – отлично. И погоду обещают солнечную. Я, кстати, Лиза. Простите, а как вас зовут?»

«Наталья Владимировна. Приятно познакомиться с вами, Елизавета».

«Ой, мою первую учительницу так звали».

«Правда? Случайность ли... Вы в какой школе учились?»

Лиза почувствовала, как начинает волноваться, словно её вызвали к доске, а она оказалась не готова.

«В 19-й».

«Значит, с памятью у меня всё в порядке. Я была учительницей младших классов в 106-й. Так-то я всех своих учеников помню. Но лицо на вашей аватарке мне не знакомо».

«Завтра исправим это недоразумение. Наталья Владимировна, можно вас попросить – обращаться ко мне на «ты». А то неудобно как-то».

«Завтра исправим это недоразумение», – ответила женщина.

Лиза улыбнулась, когда в конце сообщения опять увидела смайлик с высунутым языком. Она впервые за долгое время улыбнулась искренне. Её манили не столько деньги, хотя на подработке вожатой в дневном лагере она получала в два раза меньше, сколько сама учительница. От неё исходило тепло, как от того котика в соцсети. Будто отголосок утраченной жизни.

«В полдень на путепроводе у касс подойдёт?» – вдогонку пришло ещё одно сообщение.

«Добро», – ответила девочка, и улыбка вновь украсила худощавое лицо с веснушками.

Чего-чего не ожидала Лиза от Натальи Владимировны так, что та отправит стикер с обнимашками из приложения Bitmoji, где у самой девочки был тоже создан личный аватар.

«Наш человек», – отметила про себя Лиза.

– Ты чего такая счастливая? – Откуда-то извне донёлся голос одной из близняшек.

Лиза подняла глаза, распознав по синим прядям волос в вопрошающей Алису.

– Да так, ничего особенного, – она ушла от ответа.

С сёстрами у неё контакт не заладился с самого начала. До того, как Лизу определили в интернат, её соседки в комнате жили вдвоём. Близняшки всегда держались друг друга и до сих пор, кажется, не смирились со вторжением Лизы в их семейный склеп. Так что сейчас откровенничать с ними было бы странно.

– Как всегда, в себе, – не сдерживая неприязни, процедила сквозь зубы Василина. Её лицо залилось краской почти в тон волосам.

Лиза обычно уходила от конфликтов в прямом смысле, так поступила и в этот раз. Она спокойно оделась, стараясь не обращать внимания на сверлящие взгляды сестёр, и направилась завтракать в столовую.

Девочка с удовольствием умяла порцию сладкой манной каши и принялась за чай и булочку с маком, открыв чат с учительницей. Она сохранила её номер и снова кликнула по аватарке.

Лиза не могла понять, что с ней происходит. Наверное, она соскучилась по простому человеческому общению. Единственная девчонка, с которой она успела подружиться – Та-

ня, была старше Лизы на два класса и в этом году выпустилась из интерната. Лиза писала ей изредка, боясь отвлекать. Она всё понимала: Таня устраивала свою жизнь в большом мире. Как сирота, подруга получила по договору социального найма комнату в общежитии, работала официанткой в летнем кафе и готовилась поступать в пищевой техникум. В своё время они вместе пересмотрели все сезоны американского кулинарного шоу. Особенно им нравились выпуски «Мастер-шеф. Дети», где юные повара творили на кухне что-то невероятное. Именно тогда Таня за просмотром передачи определилась с профессией. Сама Лиза хоть и задумывалась о будущем, пока не понимала, чем бы ей хотелось заниматься во взрослой жизни.

«Почему вы стали учительницей?» – набрала она сообщение. Указательный палец замер над кнопкой отправки, но Лиза никак не решалась, сомневаясь, можно ли спрашивать такое у незнакомого человека.

Мимо пронеслась орава младшеклашек. Девочка не успела опомниться, как кто-то из них по пути сбил её локоть, и сообщение отправилось.

«Пусть будет так».

Ей хотелось с кем-то поговорить. А местные учителя не располагали к душевным беседам. И ей было очевидно почему. Дети в интернате сплошь сложные, с израненными душами, и каждый справлялся с пережитым по-своему. Мат и хамство в классе не укладывались в голове Лизы, которая

несмотря ни на что продолжала получать хорошие оценки, но были обычным явлением. Учителям здесь приходилось несладко.

Наталья Владимировна долго печатала.

«Я очень любила моего классного руководителя Валерия Степановича. Он преподавал английский, поддерживал, направлял и всей душой болел за нас – детей. Можно сказать, что он вдохновил меня своим примером. Мне захотелось также помогать ребятишкам, быть для них другом, опорой, советчиком, если нужно, человеком, к которому можно обратиться в любой ситуации».

У Лизы перехватило дыхание. Незнакомая женщина здесь и сейчас вызвала в девочке такое восхищение! Учительница не возмутилась личному вопросу, не спросила: «Зачем ей эта информация», а просто искренне поделилась историей из жизни. Рассказала сокровенное – о важном человеке, который помог ей понять, кто она и для чего пришла в этот мир.

Лиза ещё раз перечитала сообщение, непроизвольно кивая и улыбаясь.

«Спасибо», – написала она.

Девочка задержалась при отправке и добавила сердечко, в этот раз не думая об уместности.

В ответ опять получила стикер с обнимашками.

Она ощутила, как по телу разливается тепло. Допив остывший чай, Лиза убрала за собой посуду и с блаженным выражением лица отправилась на улицу.

Неподалёку от интерната располагался сквер, где девочка могла чувствовать себя почти так же спокойно, как в телефоне. Она приземлилась на скамейку, спрятавшуюся в объёмах цветущей акации. Здесь она была в безопасности, не ожидала тычка в спину. Зелёный оазис посреди каменной пустыни защищал от палящего солнца, от жестокости и даже от грустных мыслей. Время здесь шло медленно. Мимо проплывали редкие мамы с колясками и кофе навынос, старички с трекинговыми палками, владельцы собак с любимцами. Лиза наблюдала за всем этим со стороны, будто смотрела кино на большом экране.

Слушая жужжание шмелей, старательно ухаживающих за ярко-жёлтыми цветками акации, Лиза любовалась ритмом теней, которые отбрасывали старые тополя. Девочка сняла их на телефон и отправила фото Наталье Владимировне.

«Видеть прекрасное в обыденном – это дар», – прилетело в ответ.

И следом фотография нежного пудрового бутона розы, цветущего на залитом солнцем подоконнике.

«Красота!» – отозвалась Лиза.

«На самом деле горшечные растения я не очень жалею. Все эти поля, порыхли, надолго без внимания не оставляй. Не люблю я в земле возиться. Эта особа – исключение. И, кажется, она всё понимает, и в благодарность цветёт практически круглый год».

Лиза вспомнила о загубленном кактусе, который ей во

втором классе на день рождения подарил мальчик со школы, и в голос рассмеялась.

«Да уж. Понимаю. Ой! А если вы с землёй дел иметь не хотите, зачем вам тогда дача?» – девочка тут же пожалела, что отправила сообщение. Вдруг учительница передумает с арендой и... Перестанет с ней общаться.

«Ну, на дачу ведь ездят не только в огороде пятой точкой загорать. Я своё уже отработала и на пенсии предпочитаю отдыхать. А с книжкой в кресле под тенью яблонь, так это прямо мечта».

Лиза нахмурила одну бровь.

«Пятой точкой», леди, вы из какого века?» – ухмыльнулась про себя девочка. Хотя это ей показалось даже милым.

Она представила бабушку с аватарки, сидящей в плетёном кресле в саду. Лизе так захотелось, чтобы кресла было два, и ещё столик с резными ножками. Она бы приготовила чай. В жару – самое то, чтобы утолить жажду и вести душевные беседы. Кажется, только что мечта Натальи Владимировны о летних деньках в саду стала и мечтой Лизы.

Она так глубоко вздохнула, что не удержала телефон, и он выскользнул из тонких пальцев. Оторопев, Лиза наблюдала, как верный друг, служивший ей столько лет, медленно летел на брусчатую дорожку и как по закону подлости жёстко приземлился «маслом вниз».

«Если какая-то неприятность должна произойти, она обязательно произойдёт», – пронеслось в голове у Лизы, застыв-

шей над пострадавшим. Она с минуту гипнотизировала его взглядом, пытаясь отмотать киноплёнку назад, чтобы держать покрепче бесценную связующую нить с учительницей, но тщетно.

Телефон не подавал признаков жизни. Она мысленно обвела его мелом и закинула то, что осталось, в поясную сумку. Закрыв лицо руками, она уронила голову на колени и разрыдалась, словно позволив той боли, что накопилась за два с лишним года, выплеснуться наружу. Медный хвостик на затылке вздрагивал в такт всхлипываниям снова и снова. Когда Лиза притихла, она чувствовала, как хрипит в горле, будто через него вышел тяготящий комок с острыми ранящими краями.

Девочка распрямилась. Невероятно, но ей стало легче. До неё дошло: неприятность с телефоном как бы странно это ни звучало, помогла ей, наконец, по-настоящему прожить, прострадать то, что обрушилось на неокрепшие плечи страшным апрельским утром, когда мама так и не доехала до работы.

Пустота никуда не делась, но там как будто кто-то прибрался: вытер пыль на подоконнике, помыл полы и даже в знак надежды, что всё ещё может измениться, поставил у окна горшок с розой, которая готовилась вот-вот зацвести.

Ей захотелось спросить, приходилось ли новой знакомой чувствовать пустоту внутри, но желание разбилось о погибший телефон.

Лиза ещё долго бродила по окрестностям, пока урчащий живот настоятельно не приказал повернуть домой.

«Хм, домой... Интернат неспособен заменить ощущение дома, ведь главное – это не стены, а атмосфера и близость между теми, кто в нём живёт, – подумала девочка, взглянув на потрёпанное крыльцо общежития. И в этот момент она поняла важную вещь. – От пустоты получится избавиться только, если заполнить её чем-то ценным».

После обеда Лиза провела остаток дня, спрятавшись в библиотеке. В комнату, заставленную полками с книгами, в солнечный день никто не заглядывал, и она полностью погрузилась в выдуманный Хаксли «О дивный новый мир».

«А ты бы разве не хотела быть свободной?»

– Не знаю о чём ты говоришь. Я итак свободна. Свободна веселиться, наслаждаться. Теперь каждый счастлив.

– Да, – засмеялся Бернард. – «Теперь каждый счастлив». Мы вдалбливаем это детям, начиная с пяти лет. Но разве не манит тебя другая свобода – свобода быть счастливой как-то по-иному? Как-то, скажем, по-своему, а не на общий образец?»

Этот вопрос заставил Лизу остановиться. Она перечитала отрывок ещё раз, отпечатывая в памяти каждое слово.

Ей нравились антиутопии. В них доводили проблемы до крайностей, красноречиво показывая варианты развития со-

бытий.

Перевернув последнюю страницу книги, Лиза была рада возвратиться в реальность – такую, какая есть – с проживанием боли потери, с возможностью любить, где эмоции не мешали, а, напротив, – делали человека человеком.

Мир не казался ей больше таким уж враждебным. Что-то изменилось.

Даже вечером в комнате близняшки не пытались вывести «Золушку» из себя. (Лиза знала, что они так называют её за глаза).

Она долго не могла уснуть, ворочаясь с бока на бок под скрипучее ворчание кровати.

«А вдруг мы не найдём друг друга? На путепроводе в летний сезон всегда толпится народ, а я временно без связи. Наталья Владимировна позвонит, а я даже ответить не смогу, не объясню, что случилось», – волновалась Лиза перед важной встречей и поездкой на бабушкину дачу.

Но ранний подъём накануне и усталость от насыщенного эмоциями дня всё же взяли верх.

Лизе снилась мама в любимом платье в мелкий горошек. Она стояла с соломенной сумкой у калитки и звала купаться. Девочка в те времена не расставалась с воздушным змеем и всегда радовалась ветерку. Это был как раз один из таких дней. Маленькая Лиза бросила лейку прямо у клумбы, расплескав воду на дорожку, пулей сгоняла в дом и через минуту уже шла рядом с мамой, неся под мышкой личного

дракона.

– Отличное место дать ему полетать, – объявила девочка, когда они пришли на широкий, чуть покатый берег озера.

– Летай, милая! А я за тобой понаблюдаю, полюбуюсь, – отозвалась мама, заключив малышку в объятия.

«Летай, милая!» – прошептала Лиза, проснувшись за минуту до будильника.

Она впервые увидела маму со дня похорон. Пусть и во сне. «Хороший знак», – подбодрила она себя.

Воскресный день она не начала привычным пролистыванием ленты в соцсетях. И не потому, что экран телефона разбился вдребезги. У неё просто не было больше причины убежать от реальности.

На путепроводе, как она и предполагала, оказалось народу, как на Красной площади – не протолкнуться. Но опасения Лизы не оправдались. Она сразу заметила слева от касс невысокую женщину с рюкзаком, которая энергично махала ей светлой панамой.

– Елизавета, добрый день! Узнала тебя по фотографии. – Наталья Владимировна приветливо улыбнулась так, что морщинки на лице поползли вверх, и показала Лизе аватарку, развёрнутую на смартфоне.

– Здравствуйте, – тихо произнесла девочка, и щёки её залились румянцем.

– Билеты нам я уже взяла, электричка отходит в 12–15.

Мороженое хочешь?

К полудню солнце жарило, как печка в русской бане, казалось, что температура стремилась к сотне.

Лиза одобрительно кивнула, смахнув со лба капельки пота.

– Пойдём, я видела бабуся с сумкой-холодильником, – Наталья Владимировна ловко накинула рюкзак на плечо и пошла первой, пробивая дорогу сквозь толпу дачников.

– То, что надо. Спасибо! – Лиза с наслаждением впилась в мороженое, когда они успели занять сидячие места в электричке.

Правда, вскоре она уступила своё кресло девушке с ребёнком, на что получила одобрительную искорку в глазах спутницы.

Наталья Владимировна выглядела совсем нестарой, назвать её бабушкой у Лизы язык бы теперь не повернулся: панамы в трендах текущего сезона, футболка с разноцветной пальмой и надписью Hawaii, лёгкие джинсы и кеды Sсechers.

«Да, она одета посовременней меня!» – Лиза оглядела свой наряд сверху вниз: полинявший укороченный топ, устаревшие бриджи в обтяжку (сейчас все носили оверсайз), поясная сумка и кеды «по паме» прямиком с китайского рынка. Кеды она купила не так давно, с первой зарплаты в летнем лагере, когда боевые Nike, сношенные до дыр на пятках, отправились на свалку. Остальные вещи были куплены ещё в той – прошлой жизни.

Лиза не могла оторвать глаз от Натальи Владимировны, которая прикорнула, склонив голову на стекло вагона. Девочке на миг показалось, что она едет на дачу вместе с родной бабушкой.

– Кажется... Туда. – Покрутившись по сторонам, предположила Лиза, когда они с учительницей вышли на станции Рябино.

– Веди, если твоя фамилия не Сусанина, – ухмыльнулась женщина.

– Пушкина я, – виновато опустив глаза, добавила Лиза и пояснила свою растерянность. – Нас с бабушкой обычно мама на машине возила, на электричке я первый раз добираюсь.

– Возила... – лицо женщины дрогнуло, точно его пронзила вспышка головной боли. – Понимаю. Моя дочь тоже водила машину... – Наталья Владимировна тяжело вздохнула и замолчала.

Лиза ощутила, как заныла её пустота, словно отразив в зеркале то, о чём предпочла не говорить её спутница.

Чем дальше они уходили вглубь дачного массива, тем больше Лиза узнавала места: разноцветные палисадники, рябины, растущие вдоль улицы. Не зря ведь у станции такое название – Рябино.

– Мы на правильном пути, – сообщила она, уверенно повернув на развилке направо.

– Путь всегда правильный, – задумчиво отозвалась Наталья Владимировна.

Девочка не уловила смысла слов, но уточнять не стала, что именно имела в виду женщина.

Гравийная дорога между дачными участками вскоре резко пошла вниз, и впереди показался такой же крутой подъём.

Лиза, не говоря ни слова, побежала со всей прыти, следуя велению сердца. Не задерживаясь в нижней точке, она влетела в горку по инерции и остановилась перед выцветшей калиткой. Той самой, в которой она во сне видела маму.

Обернувшись, Лиза помахала Наталье Владимировне. Женщина в ответ подбросила панаму в ясное небо и, ловко её поймав, тоже помахала.

Девочка почувствовала, как сердце затрепетало, как его заполнил свет, как на розе в пустой комнатке распустился нежный пудровый бутон с бархатными лепестками.

Дача, хоть и пребывала в запустении, женщине приглянулась сразу. Она по-хозяйски обошла палисадник, заросший травой и сорняками. Кое-где виднелись островки многолетников. Вдоль забора красовались васильки и дикие ромашки. Когда гостья зашла за дом, ахнула от изумления и восторга. Деревья стройными рядами возвышались до конца вытянутого участка. Раскидистые кроны у дома заглядывали на балкон второго этажа.

– Господи, как же тут хорошо! – Наталья Владимировна спряталась от зноя в тени яблонь и прикрыла глаза, вдыхая ароматы детства. Очень давно, когда она с родителями жила ещё на Кубани, у них на участке росли яблони.

Лиза подошла ближе. Ей тоже было хорошо, то ли от близости с учительницей, то ли от возвращения в место, где она была когда-то счастлива, то ли оттого, что она больше не ощущала себя пустой, а, может, и все вместе.

Ветерок зашелестел листьями, напомнив девочке о личном драконе, и она повернула к дому. Ключ дождался на прежнем месте, только ей больше не требовалась помощь разошедшейся табуретки. Лиза выросла.

Поднявшись на мансардный этаж, она застыла на последней ступеньке. В её комнате ничего не изменилось: кровать с панцирной сеткой, застеленная покрывалом со зверушками, детские книги на полочке, стопки журналов и... воздушный змей. Он ждал её все эти годы.

– Дом, как и участок, конечно, требует внимания, – из-за спины донёсся мелодичный голос, – но мне тут очень нравится. Пойдём чаю выпьем. Отметим сделку.

Лиза в обнимку с личным драконом спустилась за Натальей Владимировной. Вместе они вынесли в сад с веранды небольшой круглый столик с резными ножками и стулья.

– Ой, а электричества, наверное, нет.

– Не волнуйся, разберёмся с этим позже.

Учительница принесла рюкзак, достала оттуда термос, походные кружки и пару контейнеров.

– Ого! Какое богатство! – воскликнула Лиза, разглядывая угощение.

– Чего же ты ждёшь? Налетай! – Наталья Владимировна

заботливо отодвинула стул, предлагая девочке присесть, и сама заняла место рядом.

Женщина неторопливо пила чай из кружки, привезённой дочкой с Алтая ещё до того страшного апрельского утра два года назад, когда случилась авария. Наблюдая, как Лиза с аппетитом уминает бутерброды с колбасой вприкуску с брусничным пирогом, она улыбалась. Ей снова было для кого готовить. И от этого она почувствовала себя счастливой не так, как раньше, как-то по-иному.